

60. Тихомиров О. К. Понятия «цель» и «целеобразование» в психологии.— В кн.: Психологические механизмы целеобразования. М., 1977, с. 5—20.
61. Грубников Н. Цель.— Философская энциклопедия, 1970, т. 5, с. 459.
62. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., 1966.
63. Чунаева А. А. Категория цели в современной науке и ее методологическое значение (цель и деятельность). Л., 1979.
64. Шадриков В. Д. Психологический анализ деятельности (системо-генетический подход). Ярославль, 1979.
65. Шкуроба В. В. Исследование операций.— Энциклопедия кибернетики, 1975, т. 2, с. 124.
66. Щедровицкий Г. П. Деятельность и понятие о деятельности.— В кн.: Матер. IV Все-союз. съезда общества психологов. Тбилиси, 1971, с. 30.
67. Щедровицкий Г. П. Автоматизация проектирования и задачи развития проектировочной деятельности.— В кн.: Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). М., 1975, с. 9—177.
68. Щербак Д. Н. Стимулы трудовой деятельности. Л., 1976
69. Шорохова Е. В. Проблемы общей психологии в трудах С. Л. Рубинштейна.— В кн.: Проблемы общей психологии. М., 1976, с. 3—16.
70. Шорохова Е. В. Социальная детерминация поведения.— В кн.: Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976, с. 5—28.
71. Юркевич В. С. Саморегуляция как фактор общей одаренности.— В кн.: Проблемы дифференциальной психофизиологии. Т. VII. М., 1972, с. 233—249.

Поступила в редакцию
10.IX.1979

АННОТАЦИИ ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ, УТВЕРЖДЕННЫХ ВАК ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

Аминев Г. А. «Психофизиологический (вероятностный и электроэнцефалографический) анализ динамики вербальной мнемической деятельности».

Работа выполнена в Казанском государственном университете им. В. И. Ульянова-Ленина и Уфимском авиационном институте им. Г. К. Орджоникидзе. Защищена в ЛГУ им. А. А. Жданова.

Впервые с детерминистических позиций изучены факты, определяющие колебания вербальной памяти. Новизна работы состоит в том, что в ней представлены систематизированные данные, показывающие связь продуктивности одного из основных видов памяти — вербальной — не только с общим уровнем активации мозга, но и с характером временной динамики памяти. Выявлены два колебания вербальных мнемических процессов — актогенные и временные. Первые ритмы специфичны для психической деятельности и являются функцией ее очередного акта, вторые ритмы представлены десятисекундными, двух- и десятиминутными ритмами. Существенно, что эти колебания психических процессов обнаруживают закономерную связь с функциональным состоянием нервной системы и с биологическими ритмами.

Весьма важным результатом работы является доказательство положения о том, что высокая продуктивность мнемических действий в чисто словесной сфере достигается сдвигами не только в левом (доминантном), но и в правом (субдоминантном) полушарии.

Работа Г. А. Аминева открывает новое направление в изучении памяти и других психических функций, которое позволяет научно обоснованно и конкретно изучать нестабильность психических процессов. Материалы диссертации используются в чтении курсов лекций в ряде вузов.

Рекомендуется МВ и ССО СССР, Министерствам просвещения и здравоохранения СССР для дальнейшего использования.

Гурова Р. Г. «Социологические проблемы воспитания школьников».

Работа выполнена в Научно-исследовательском институте общих проблем воспитания АПН СССР и защищена в Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина.

В диссертации уточнены предмет, задачи и методы теории воспитания и выявлены ее современные возможности в решении проблем воспитания старших школьников; проведены конкретные исследования, выявляющие особенности влияния общественно-политического строя на формирование ценностных ориентаций, духовных потребностей и общественной активности школьной молодежи.

Научные положения и рекомендации, разработанные автором, прошли опытно-экспериментальную проверку в школах РСФСР и Молдавии и получили одобрение Президиума АПН СССР. Материалы и выводы диссертации представлены Министерству просвещения СССР. Они нашли отражение в ряде методических документов, направленных на совершенствование воспитательной работы в школах. (Продолжение см. на стр. 38, 47).

КАТЕГОРИЯ «Я» В ПСИХОЛОГИИ

Кон И. С.

ПОНЯТИЕ И ПРОБЛЕМА

Понятие «Я» широко используется во всех науках о человеке и обществе. В советской философской и психологической литературе этот феномен рассматривается как в общетеоретическом плане, в связи с теорией личности и самосознания [12, 13, 17, 20, 21, 25, 28—30, 33, 37, 39, 40, 42], так и в связи с конкретными закономерностями развития ребенка [1, 3, 6, 9, 10, 22, 23, 27, 32, 34, 36]. Что касается иностранной литературы, то в аналитическом обзоре эмпирических исследований «понятия Я» Р. Уайли (Wilie) [73] учтено свыше 1600 работ; речь идет только об англоязычных и только эмпирических публикациях, если же взять всю мировую литературу, включая Эго-психологию, эту цифру пришлось бы, вероятно, утроить.

Но, хотя понятие «Я» — одно из старейших философско-психологических понятий, его категориальный статус остается крайне неопределенным и такие термины как «самость» (self), «идентичность», «Эго» и «Я» употребляются в самых различных значениях. Эти трудности не являются чисто терминологическими. Понятие «Я» всегда соотносится и нередко даже сливаются, с одной стороны, с понятием личности, а с другой — с понятием самосознания. Однако, не говоря уже о многозначности самих этих терминов, понятие «Я» не исчерпывает их объема. «Я» — не просто индивидуальность, личность, а личность, рассматриваемая изнутри. В то же время самосознание может быть не только индивидуальным, но и коллективным, групповым (например, классовое самосознание).

Самое общее значение термина «Я» — самость, т. е. интегральная целостность, «одноличность», «подлинность» индивида, на основании которой он отличает себя от внешнего мира и от остальных людей. Самость — это единство «реальной» идентичности индивида и его самосознания. Наивная натуралистическая теория склонна жестко разграничивать два последние понятия, считая самосознание простым отражением «данной» органической идентичности. Однако такое сведение идентичности (самости) к психофизиологической целостности, позволяющей организму безошибочно узнавать свои и отторгать чужие клетки, а самосознания — к осознанию этой своей особенности, единичности, не выдерживает критики и выхолащивает самую суть проблемы «Я» как активно-творческого, интегративного начала, позволяющего индивиду не только осознавать себя, но и сознательно направлять и регулировать свою деятельность. Понятие идентичности, широко употребляемое в психологической и социологической литературе, обозначает не формальное тождество субъекта самому себе («Я»=«Я»), а его осознанную принадлежность к определенной категории людей («социальная идентичность», «половая идентичность» и т. п.), т. е. некоторый аспект личности и ее самосознания.

Как бы ни определяла наука понятие «Я», оно всегда остается двойственным. Ибо, как заметил уже И. Кант, сознание самого себя заклю-

чает в себе двоякое «Я»: 1) «Я» как субъект мышления, рефлексирующее «Я» и 2) «Я» как объект восприятия и внутреннего чувства. В психологической литературе первое «Я» обычно называется активным, действующим, субъектным или экзистенциальным «Я» («Эго»), а второе — объектным, рефлексивным, феноменальным, категориальным «Я» или «образом Я», «понятием Я», «Я-концепцией» и т. п.

В зависимости от приписываемого понятию «Я» онтологического, гносеологического и методологического статуса психологи по-разному определяют свои исследовательские задачи. Можно выделить несколько взаимосвязанных и в то же время автономных осей, или параметров.

1. Что является предметом исследования: активное, действующее «Я», т. е. регулятивное начало психики, или же рефлексивное, феноменальное «Я», т. е. образы самосознания и стоящие за ними психические процессы?

2. Рассматривается ли «Я» как реальная «субстанция», «агент» деятельности или как условный психический «конструктор»?

Заметим при этом, что и то и другое «Я» может трактоваться холистически или аналитически. Холистическая трактовка действующего «Я» приравнивает его к душе или считает его синонимом целостного индивида, тогда как аналитическая видит в нем особый регулятивный механизм (например, «Эго» в психоанализе). Это различие существует и в трактовке рефлексивного «Я», которое рассматривается либо как целостный образ или «имплицитная теория личности», либо как совокупность отдельных самооценок, приводимых в систему только в ходе психологического исследования.

3. Концептуализируется ли «Я» в структурных или процессуальных терминах? В первом случае проблема формулируется в плане анализа особых психических инстанций, структурных элементов психики (Эго, идентичность, моральное «Я») или компонентов самосознания (образы «Я»). Во втором случае речь идет о процессах и действиях, которые описываются такими отлагательными существительными, как саморегуляция, самосознание, самооценивание, самоактуализация и т. п.

4. Являются ли соответствующие структуры и процессы интраиндивидуальными, сосредоточенными внутри личности, или интерсубъективными, производными от межличностного взаимодействия, социальной среды, содержания деятельности и т. д.?

5. Каков гносеологический статус этих категорий: постигает ли индивид себя и свои свойства непосредственно, путем интроспекции, или же опосредованно, через какие-то объективации? Этот же вопрос ставится и в психологическом плане: возможно ли объективное познание «Я» или оно требует каких-то иных способов проникновения?

Само собой разумеется, что разные постановки проблемы «Я» тесно связаны с теоретико-методологическими, философскими ориентациями психологов. Для радикального бихевиориста такой вещи, как самость, просто не существует. «Личность — не агент, инициирующий действие, а локус, точка, в которой множество генетических и средовых условий сходится в совместном эффекте» [67]. Если персонологическая Эго-психология подчеркивает внутреннее единство самости, то интеракционизм видит в ней исключительно социальную конструкцию и т. д. Соответственно ориентированы и их эмпирические исследования.

Однако многое зависит также от того, к какой именно отрасли психологии относится данное исследование. Например, психология личности чаще описывает «Я» в структурных, а общая психология и психофизиология — в процессуальных терминах теории сознания. Социально-психологические теории отдают предпочтение интерсубъективным факторам перед интраиндивидуальными и т. д. Все это затрудняет переброску логических мостов и обобщение эмпирических данных. Тем не менее, можно заметить целый ряд общих, интегративных тенденций.

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ «Я»

Важнейшая из этих тенденций — растущее понимание относительности различий между действующим и рефлексивным «Я» и того, что их оппозиция не может быть центральным стержнем психологии самосознания. Старая Эго-психология часто реифицировала (овеществляла) действующее «Я», превращая его в особую сущность, наподобие души (от которой и произошло это понятие). Однако описать генезис и функции этого «Я» безотносительно к его деятельности и самосознанию принципи-

ально невозможно. Все его содержательные определения производны от приписываемых ему функций или деятельности. Понятия действующего, познающего, воспринимающего, рефлектирующего, мыслящего или морального «Я» подразумевают не какие-то отдельные автономные психические инстанции, а субъекта, совершающего данные действия. «Сила Я» обозначает просто способность индивида поддерживать свою самость против внешних (давление среды) и внутренних (спонтанные эмоциональные влечения) факторов; по сути дела, это эквивалент житейского понятия «сила воли» или «сила характера».

Характерно, что, несмотря на многочисленные попытки, ни один психолог-теоретик не смог сколько-нибудь четко разграничить понятия идентичности действующего «Я» («Эго») и рефлективного «Я». Автор самой известной современной концепции идентичности Э. Эриксон (Erikson) объединяет идентичность с «Эго» в понятии «Эго-идентичности», употребляя этот термин, как и его составляющие, в нескольких различных значениях [49]: то как «осознанное чувство индивидуальной идентичности», то как «бессознательное стремление к последовательности личного характера», то как «критерий молчаливой деятельности Эго-синтеза».

Та же многозначность характерна и для теории «развития Эго» Д. Левиндженер (Loevinger), хотя, как и теория Эрикссона, она имеет неплохое эмпирическое подтверждение и оказывает сильное влияние на зарубежную психологию развития. По словам Левиндженер, определить «Эго» так же трудно, как жизнь. «Развитие Эго» — более узкий процесс, чем развитие личности в целом. Однако «Эго» — не вещь, а процесс, точнее, синтетическая, организующая функция психики [60]. Иногда Левиндженер отождествляет «Эго» с характером в широком смысле слова [63]. Процесс «развития Эго», по Левиндженер, включает в себя моральное развитие, когнитивное развитие и рост способности к межличностным отношениям. Против данного положения нечего возразить, но это значит, что изучение структуры и генезиса действующего «Я» не образует самостоятельной предметной области психологического исследования. На практике все попытки проследить развитие «Эго» либо сводятся к анализу развития отдельных психических свойств и процессов, либо превращаются в описание целостного развития личности, включая способы ее жизнедеятельности, ролевую структуру и ценностные ориентации, либо сосредоточиваются на динамике самосознания, рефлексивного «Я», причем чаще всего происходит последнее.

Но если невозможно проследить становление активного «Я» безотносительно к развитию рефлексивного «Я», то и обратное верно: рефлексивные процессы нельзя понять вне связи с развитием регулятивных механизмов психики и содержанием деятельности личности. Вопрос о содержании и функциях самосознания вызывает в философской и психологической литературе острые споры. Естественно-научный подход к этой проблеме, как известно, редуцировал личность к совокупности ее индивидных свойств, а самосознание — к их пассивному отражению. Это вызвало справедливые возражения сторонников личностно-деятельностного подхода. Они указывали на неправомерность а) ограничения самого подхода. Они указывали на неправомерность а) ограничения самосознания, б) сведения самосознания, понимаемого как отношение к себе в целом, к парциальным процессам самопознания [13, 14, 21].

В целом эта картина совершенно справедлива, равно как и утверждение социальной сущности «Я» и интерсубъективности самосознания. Однако вопрос о психофизиологических аспектах и механизмах рефлексивного «Я», так же как и проблема взаимозависимости самосознания и самопознания, этим не снимается. Из того, что образ «Я» не сводится к сумме самоощущений, еще не вытекает, что он генетически с ними никак не связан (это убедительно показали исследования французской психологической школы А. Валлона (Vallon) и Р. Заззо (Zazzo)). Если био-

логизация «Я» обрекает личность на мелочное самокопание в своих случайных индивидуальных особенностях, то его социологизация чревата недооценкой эмпирической индивидуальности и эмоционального мира личности. К тому же самосознание, оторванное от конкретных процессов познания субъектом себя и своей жизненной ситуации (а одно без другого невозможно), выглядит таким же ирреальным, как личность вне своих социальных ролей. Во всяком случае, экспериментальной психологией с таким понятием делать нечего.

Естественно-научный и личностный подходы к проблеме «Я» действительно противоположны. Но если воспользоваться принятой в психологии [2, 8] и имеющей солидное философское и экспериментальное основание идеей относительно **двойной интеграции** психических процессов **снизу** (восхождение по уровням когнитивных психических структур от элементарного ощущения до понятийного интеллекта) и **сверху** (влияние синтетических личностных свойств на нижележащие уровни сознания, перцептивные процессы и т. д.), — то эти подходы представляются не столько альтернативными, сколько встречными, взаимодополняющими. Исследование физиологических **механизмов** и **психических процессов**, в рамках и на основе которых возникает и функционирует самосознание — это путь интеграции «снизу», тогда как анализ содержания и структуры рефлексивного «Я» в рамках психологии личности прослеживает интеграцию «сверху».

Внутреннюю логику развития процессов саморегуляции поведения от низших к высшим уровням хорошо воспроизводит основанная в значительной мере на работах советских ученых информационная модель Э. Р. Джона (John) [54]. Согласно его модели, информацию первого порядка образуют **ощущения**, информацию второго порядка — **восприятия**, информацию третьего порядка — **сознание**, где уже имеется единое многомерное представление о состоянии системы и ее среды, включая интеграцию предсознательных ощущений и восприятий, структурируемых в свете предыдущего опыта индивида. Появление сознания делает возможной и даже необходимой информацию четвертого порядка — **субъективный опыт**, т. е. процесс, реорганизующий последовательные ряды восприятий, воспоминаний, эмоций и действий в единое последовательное событие или «переживание», имеющее начало и конец. По мере того как субъективный опыт охватывает все более значительные отрезки времени, складывается индивидуальная история, конструируется память о последовательности эпизодов. На этой основе появляется информация пятого порядка — **самость** как результат долгосрочной памяти, составляющей как бы летопись субъективных переживаний индивида. А необходимым следствием и одновременно условием функционирования самости является информация шестого порядка — **самосознание**, т. е. интерпретация субъективного опыта индивида в свете прошлой истории его жизненных переживаний, особенно ее наиболее устойчивых, инвариантных черт. Интерпретация наличного, сиюминутного содержания сознания в свете прошлого опыта дает мощное подкрепление низшим уровням информации, активизируя воспоминания о других релевантных жизненных переживаниях, а затем и систематический, целенаправленный поиск такой информации. Иначе говоря, налицо особый когнитивный процесс, объектом которого является сам субъект.

Когнитивные процессы самопознания зависят от таких свойств психики, как объем памяти, интенциональность, объем и уровень избирательности внимания [62] и развитие речи. Их эволюция связана с соответствующими нейрофизиологическими процессами; в частности, имеются данные о том, что центры самосознания, как и центры речи, локализованы в левом полушарии.

Таким образом, самосознание и саморегуляция, воплощением которых является «Я», — результат сложных интегративных процессов психики. Но понять природу субъективной реальности, внутреннего мира и самосознания индивида только «снизу» в рамках естественно-научной картины сознания, принципиально невозможно. Изучение психических процессов, с помощью которых индивид достигает самосознания и выражает свою субъективность, не дает ключа к **ценностно-смысловому** содержанию субъективной реальности, ответа на вопрос, на каких именно моментах субъект сосредоточивает свое внимание, в чем он усматривает свою самость и какие способы самореализации он выбирает. Спе-

цифика сознательного акта состоит в его **бимодальности**, т. е. одновременном отражении того, что принадлежит «Я» (субъекту) и того, что принадлежит «не-Я» (объекту) [11, 12]. Но этот водораздел относителен, и каждая модальность «Я» и «не-Я» имеет смысл только в соотнесении с противоположной. Структура и ценностно-смысловое содержание «Я» существенно изменяется в зависимости от того, структурируется ли оно по отношению к внешнему предмету вообще («Я» — «не-Я»), или к собственному телу, или к самому себе как носителю каких-то социальных и психических свойств, или к другому «Я» («Я — Ты»), или к собственному «Я», обращенному в «Ты» (автокоммуникация), или к какой-то системе надличных, идеальных норм и ценностей, на которые личность ориентируется.

Отсюда — принцип **интерсубъективности и социальности «Я**», которое может быть понято лишь в системе общественных отношений и конкретного взаимодействия личности с другими людьми. **Личностный** подход, философски инициированный Гегелем и материалистически интерпретированный К. Марксом, находит широчайшее подтверждение в социально-психологических исследованиях, прослеживающих взаимозависимость индивидуального самосознания и общественных отношений [17], и дает ключ к содержательному анализу «Я».

СТРУКТУРА И ФУНКЦИЯ РЕФЛЕКСИВНОГО «Я»

Прежде всего, личностный подход уточняет **категориальный статус «Я»**. В общей психологии долгое время шел спор, следует ли считать рефлексивное «Я» совокупностью самоощущений, представлением или понятием. Социальная психология снимает этот спор, рассматривая «Я» как особую **установочную систему**. Такая концептуализация, широко распространенная как в советской [16, 17], так и в зарубежной литературе [64, 65] дает психологам значительные методологические преимущества.

Во-первых, установочная модель позволяет представить когнитивные, аффективные, поведенческие и ценностно-нормативные моменты самосознания не как разные сущности (самопознание — это одно, а отношение к себе — нечто совсем другое), а как разные аспекты одного и того же явления.

Во-вторых, она ориентирует на выяснение динамической взаимосвязи интраиндивидуальных и контекстуальных, межличностных факторов самоценивания, самоуважения и т. п.

В-третьих, она выявляет многообразие функций самосознания в диалектику когнитивно-информационных и Эго-защитных процессов.

В-четвертых, она позволяет строже дифференцировать те точки зрения и углы, под которыми индивид структурирует образы собственного «Я» и с которыми так или иначе соотносятся все частные самооценки.

М. Розенберг (Rosenberg) выделяет следующие главные типы образов «Я»: 1) **наличное «Я** — каким индивид видит себя в данный момент (данний термин лучше, чем распространенное понятие реального «Я», невольно подразумевающее некое «соответствие» образа оригиналу, что совсем необязательно); 2) **желаемое «Я** — каким индивид хотел бы видеть себя, 3) **представляемое «Я** — каким он показывает себя другим. Каждый из этих образов можно анализировать с точки зрения его содержания, структуры, генезиса, функций и т. д. [65].

Содержание рефлексивного «Я» включает: **социальную идентичность**, т. е. указание на те группы, статусы и категории, к которым индивид принадлежит и которые составляют его различные «Мы», определяя его ответы на вопрос «Кто Я»; определенные **диспозиции** (иначе личностные дескрипторы или самооценки), с помощью которых индивид описывает свои социально-психологические качества, отвечая на вопрос «Какой Я»; **физические характеристики**, в которых он воспринимает и описывает свое тело и внешность. Все эти элементы существуют, однако, не сами по себе, а в определенной системе. Чтобы понять структуру рефлексивного «Я», нужно прежде всего определить **психологическую иерархию** отдельных социальных идентичностей, диспозиций и ценностей, выяснить, какие из них являются для индивида центральными, интегрирующими, наиболее влияющими на уровень его самоуважения. Далее, нужно выяснить **отношение**

разных элементов и свойств к целому: обобщенный, глобальный уровень самоуважения личности может находиться в противоречии с ее специфическим самоуважением, с тем как индивид относится к себе в некотором частном ракурсе или аспекте деятельности. Наконец, надо выяснить соотношение объективных (социальных и поведенческих) и субъективных (мотивационных) аспектов «Я»; например, описывает ли индивид себя преимущественно в терминах своих социальных ролей, статусов и поступков, или в терминах эмоций, установок и желаний. Следует отметить, что структура самоанализа и самоописания воспроизводит общую логику социальной перцепции и развивается по тем же законам.

Отношение индивида к себе, как и всякая другая установочная система, характеризуется целым набором измерений. Рефлексивные «Я» у разных людей или у одного и того же человека на разных стадиях его развития могут различаться: по содержанию, направлению (быть положительными или отрицательными), интенсивности (силе чувства), контрастности (значимости для субъекта), последовательности, устойчивости, ясности, верифицируемости. Кроме того, образ «Я» имеет ряд специфических параметров, отсутствующих у других установок [65]. Так, в отличие от установок к другим объектам, которые могут иметь разное значение для субъекта, собственное «Я» важно для каждого человека; субъект и объект установки здесь совпадают; суждение о себе всегда совмещается с оцениванием; при этом возникают особые, характерные только для самооценки, эмоциональные реакции (гордость и стыд), точность таких самооценок трудно установить ввиду их низкой верифицируемости.

Весьма важен вопрос о том как индивид определяет границы своей самости: что, почему и насколько он считает «своим»; в каких случаях он испытывает личностные чувства гордости или стыда; когда и как происходит «интроекция», инкорпорирование «внешних» объектов без которых личность уже не мыслит своего «Я»? Именно эта относительность, условность граней между «Я» и «моем» подрывает попытки однозначного, жесткого определения «идентичности», что было показано уже У. Джемсом.

Желаемые и представляемые «Я» также весьма многообразны. Это могут быть и идеализированные образы, выступающие как недостижимый и необязательный идеал, и программные образы, принятые субъектом как серьезное обязательство, подлежащее осуществлению, и моральные образы, воплощающие нормативное долженствование и т. д. Понятно, что их конкретные функции будут различными.

В изучении генезиса рефлексивного «Я» отчетливо выступают две тенденции. Учебные с социологической ориентацией фиксируют внимание преимущественно на социальных детерминантах процесса: влиянии на индивида различных значимых других, социальных ролей, социально-групповых принадлежностей и референтных групп. Другие авторы изучают главным образом психологические механизмы самосознания, самооценивания и т. д. и их место в структуре индивидуальности. Важнейшие из этих механизмов: 1) усвоение субъектом оценки его другими людьми (это может быть и непосредственное отражение чужих оценок, и ориентация на то, как индивид представляет себе эти оценки, и равнение на генерализованного другого); 2) социальное сравнение — индивид осознает и оценивает себя путем сравнения с другими людьми по признакам «лучше — хуже» или «похожий — непохожий»; 3) самоатрибуция — индивид заключает о себе и о своих внутренних состояниях, наблюдая и оценивая свое поведение в различных ситуациях.

Предпочтение той или иной модели обычно отражает теоретические ориентации исследователя. Трактовка самооценки как отраженного мнения других связана с теорией «зеркального Я» и интеракционизмом, теория социального сравнения — с когнитивизмом, а атрибутивная модель, в частности теория самовосприятия Д. Бема (Bem), — с бихевиоризмом [43]. Но в известном смысле эти модели взаимодополняльны, объясняя разные стороны и аспекты формирования и изменения рефлексивного «Я» и его отдельных компонентов. Методический репертуар таких исследований также весьма разнообразен.

Наряду с проблемой генезиса рефлексивного «Я» экспериментальная психология уделяет много внимания изучению его функций. Правда, и число работ, и достигнутые результаты здесь меньше. Классический бихевиоризм не придавал самосознанию существенного значения, а когнитивисты скептически оценивали познавательную ценность самооценочных суждений ввиду трудности их верификации. Тем не менее рассмотрение проблемы в социально-психологической перспективе, в частности уяснение ценностно-ориентационных функций «Я» и смещение центра тяжести с изучения локальных частных процессов самооценивания на поиск обобщенных индикаторов самоуважения, выявили важное практическое значение этого конструкта.

Самоуважение оказалось одной из самых важных интегральных характеристик личности, влияющей практически на все аспекты ее поведения и деятельности [45, 64, 70]. В частности, изучение девиантного (отклоняющегося) поведения, включая преступность, наркоманию, алкоголизм, агрессивное и суицидное поведение, показало, что пониженное самоуважение часто бывает не только спутником делинквентности (преступности), но и одной из ее причин [55, 56, 66].

Однако проблема рефлексивного «Я» никоим образом не сводится к самоуважению. Изучение когнитивных аспектов самосознания также имеет практическое значение. Рефлексивное «Я» — своего рода когнитивная схема, лежащая в основе имплицитной теории личности, в свете которой индивид структурирует свою социальную перцепцию

и представления о других людях [59]. Моральное поведение и мотивация индивида также обычно соотносится с его представлениями о собственных свойствах и возможностях [53]. Вместе с тем «в психологической упорядоченности представления субъекта о себе и своих диспозициях ведущую роль играют высшие диспозиционные образования — система ценностных ориентаций в частности» [42].

Экспериментальные исследования самосознания способствовали прояснению и иногда переформулированию некоторых старых философско-психологических проблем. Уже в древности шел спор о том, являются ли наши представления о себе истинными или ложными, иллюзорными. Этот вопрос сегодня изучается более дифференцированно: самооценки сопоставляются не только с реальными результатами деятельности субъекта, но и с особенностями экспериментальной ситуации и личности испытуемого. Причем вопрос ставится не вообще: может ли индивид адекватно воспринимать и оценивать себя? — а в связи с проблемой соотношения главных функций самосознания — регулятивно-организующей и Эго-защитной. Чтобы успешно направлять свое поведение, субъект должен обладать адекватной информацией как о среде, так и о состоянии и свойствах своей личности. Напротив, Эго-защитная функция ориентирована преимущественно на поддержание самоуважения и стабильности образа «Я», даже ценой искажения информации. В зависимости от этого один и тот же субъект может давать как адекватные, так и ложные самооценки [69]. Уяснение этого факта вносит существенные корректизы в теорию защитных механизмов личности, побуждает экспериментально изучать феномен самообмана и т. д. [51].

Еще более существенную трансформацию пережила проблема единства и множественности «Я». Субстанциалистская концепция «Я» склонна абсолютизировать его единство, рассматривая любые внутренние противоречия и рассогласованности как ненормальные и патогенные. Однако эта концепция сама обусловливается зачастую специфической культурой, ибо во многих обществах самость трактуется скорее как множественное начало [17, 58]. Например, с буддистской точки зрения, акцентирование своей самости не только безнравственно, но и неверно. «Истинное знание», напротив, состоит в том, чтобы «познать и глубоко проникнуться идеей, что никакого «Я» не существует, нет ничего «моего», нет «души», а существует только переменчивая, вечно играющая работа отдельных элементов» [41]. Да и в современной культуре образ множественного, постоянно переливающегося «Я» трактуется уже не только как следствие «кризиса идентичности», но и как положительное явление — достаточно вспомнить «Степного волка» Г. Гессе.

За этим стоит не только расширение культурологических горизонтов. Психологами и психиатрами доказано, что единство глубинных характеристик самосознания, прежде всего сознания своей телесной, психофизиологической идентичности («сознания тождественности», по В. С. Мерлину [28]), нарушение которого неизбежно влечет за собой патологическое раздвоение сознания и самой личности, вовсе не исключает множественности и рассогласованности других аспектов рефлексивного «Я»: несовпадения наличного, желаемого и представляемого «Я» или расхождений в самооценках, связанных с разными социальными идентичностями и свойствами личности, и т. д.

В исследованиях под руководством В. А. Ядова выявились определенные устойчивые рассогласования между некоторыми диспозициями и реальным поведением испытуемых, причем у зрелых инженеров (в большей степени вовлеченных в работу и более опытных) такие рассогласования выражены сильнее. Это объясняется не только социальными причинами (множественностью и подчас противоречивостью социально-нормативных предписаний, относящихся к разным сторонам жизнедеятельности людей), но и психологически — «своеобразным противоборством между активностью и организованностью человека в реальной дея-

тельности... и его рефлексией по поводу своего отношения к этой деятельности» [35]. Парадоксальные результаты получены при сравнении адекватности самооценок группы студентов с уровнем их интеллектуального развития: испытуемые со сравнительно низкими показателями по интеллектуальным тестам оценивали себя более адекватно. Таким образом, даже частные самооценки нельзя интерпретировать **только** в когнитивных терминах [26].

О том, что множественность и неоднозначность «Я» — необходимое свойство и условие развития зрелой личности, свидетельствует и психология развития. В клинически ориентированных исследованиях 50—60-х годов несовпадение наличного и желаемого «Я» обычно интерпретировалось как показатель пониженного самоуважения и считалось нежелательным. Но затем выяснилось, что такое расхождение отражает нормальный процесс развития личности, причем у более творческих, интеллектуально и морально развитых людей оно значительно больше, чем у остальных [52]. Чем выше уровень требований, предъявляемых личностью к себе, тем острее ее неудовлетворенность собой, которая, однако, отражает не пониженное самоуважение и уровень притязаний, а повышенную потребность в самоосуществлении. Разница эта фундаментальна, но уловить ее можно, только выйдя за пределы собственно самосознания: пониженное самоуважение невротика — это мотив и одновременно самооправдание **ухода из деятельности**, тогда как **самокритика творческой личности — стимул к самосовершенствованию** и преодолению новых рубежей. Различать их можно, только зная характер и результаты деятельности испытуемого в течение довольно длительного времени.

Интересные результаты дает и изучение психологии самого процесса рефлексии (самоосознания). О пользе и вреде рефлексии спорят не первое столетие, превознося критический самоанализ и одновременно клеймая «бесплодное самокопание». Но как разграничить одно от другого? Индивид не может осознать себя вне определенной конкретной ситуации и системы отношений, в которой развертывается его деятельность. Однако в каждый данный момент его внимание направлено либо на себя, либо на содержание и ситуацию своей деятельности.

В первом случае индивид смотрит на себя как бы глазами других, воспринимая себя как **объект**. Гипертрофия такого самовосприятия дает **застенчивость**. Английское слово «selfconsciousness», обычно переводимое как «застенчивость», обозначает именно акцентуированное самоосознание, повышенную озабоченность индивида своей самостью и тем, как ее воспринимают окружающие.

Во втором случае внимание фокусируется вовне, обращено к лично-стно-значимым элементам среды и содержания деятельности. Гипертрофия этого свойства понижает способность субъекта замечать противоречивость своих мотивов и действий, уменьшает потребность проверять свои суждения, порождает самоуверенность и т. п.

Спрашивается, как влияет то и другое на социальное поведение личности? Согласно теории С. Дювала и Р. Виклунда (Duwal and Wicklund), рефлексия, объектом которой является сам субъект, проходит четыре фазы развития: 1) сосредоточение внимания на себе, 2) самооценка, 3) аффективная реакция, 4) стремление уменьшить обнаруженные расхождения между своим поведением и подразумеваемым идеалом или нормой. Чтобы реализовать это желание, субъект должен либо изменить свое поведение, либо отаться от рефлексирования, которое становится для него мучительным. Таким образом, процесс самосознания и рефлексивное «Я» как его итог существенно важны для обеспечения социально-нормативного поведения, т. е. соответствия поступка принятой норме, а люди, избегающие рефлексии, больше других склонны к антнормативному поведению [48, 71].

Эта гипотеза нашла хорошее клиническое и экспериментальное подтверждение. Ряд исследований показал, что повышение уровня внимания к себе действительно уменьшает вероятность антнормативного поведения, например склонности обманывать [47]. Напротив, снижение самоосознания и самоконтроля сопутствует процессу дендинвидуализации [46].

Очень важную роль играет рефлексия в процессах самовоспитания. Здесь налицо трехступенчатый процесс. Сначала индивид должен стать наблюдателем своих мыслей, чувств и поступков, т. е. интенсифицировать рефлексию. После этого он замечает взаимную несовместимость каких-то своих мыслей и поступков и осознает неадаптивность некоторых из них. Это активизирует его внутренний диалог, превращая самопознание в самовоспитание, т. е. сознательное формирование и закрепление новых, желательных элементов поведения [61].

Однако сосредоточение внимания на самом себе далеко не всегда бывает социально-положительным фактором. Прежде всего, люди, сильно озабоченные собой, смотрящие на себя со стороны, глазами других, часто наиболее конформны. Далее оценивая влияние рефлексии на поведение, необходимо уточнить моменты экспериментальной ситуации, которые наиболее личностно значимы для испытуемого. Наконец, весьма существенно, на каких именно аспектах «Я» сосредоточено внимание субъекта: на своей социальной идентичности или на индивидуальных диспозициях и внутренних состояниях [50]. Внимание к социальному, «публичному» аспектам «Я» действительно повышает вероятность социально-нормативного поведения, тогда как сосредоточенность на интимном, внутреннем «Я» такого эффекта не дает.

В связи с этим теории Дювала и Виклунда, согласно которой рефлексия (самоосознание) начинается с сосредоточения внимания на себе и самооценки, противопоставляется другая модель, по которой в основе рефлексивного процесса лежит когнитивная организация или кодировка информации в соответствии с ее личностной релевантностью; т. е. центр тяжести переносится в самооценки на оценку индивидом условий среды и своей собственной деятельности в ней, а исследование самосознания перерастает в изучение сознания.

ДОСТИЖЕНИЯ И НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ

Каковы же итоги экспериментально-психологического изучения человеческого «Я»? Нужно признать, что наука имеет в этой области значительные достижения. Во-первых, экспериментальная психология способствовала и продолжает способствовать прояснению и уточнению многих фундаментальных междисциплинарных и философских проблем человеческого ведения, которые раньше ставились только умозрительно, например диалектики сознания и самосознания, проблемы единства и множественности «Я», соотношения регулятивных (самоконтроль) и отражательных (самопознание) функций психики и т. д. Во-вторых, психологические исследования самосознания имеют немаловажное прикладное значение. Так, закономерности формирования схемы тела используются в психиатрической диагностике [28]. Знание механизмов и критериев самооценивания у детей и подростков помогает стимулировать учебную деятельность школьников [22, 23, 34, 36]. Изучение особенностей профессионального самосознания расширяет возможности сознательного самоконтроля и повышения квалификации лиц соответствующих профессий [15]. Исследование образов «Я» занимает значительное место в этнопсихологии, что весьма важно для интернационального воспитания и т. д. [17].

Тем не менее, как философы [37], так и психологи [21, 73, 74] считают состояние проблемы в целом неудовлетворительным. Как пишет Р. Уайли, хотя конструкты, относящиеся к самости, потенциально очень важны для психологической теории и практики, фактические результаты в этой области кажутся «разочаровывающими и двусмысленными» [73]. Отсутствие строгих теорий; обилие методологически слабых, чисто описательных и неверифицируемых исследований; неправомерное возведение корреляционных связей в ранг причинной зависимости; необоснованное «выведение» содержания образов «Я» из предполагаемых антецедентов (предпосылок) и условий; недостаток исследований, проверяющих обратное воздействие самосознания на поведение; подмена научных выводов суждениями здравого смысла — таков неполный список недостатков, перечисленных Уайли.

Такая картина может показаться чересчур пессимистической; при столь придиличной оценке не в лучшем положении, возможно, оказались бы и многие другие разделы психологии. Тем не менее, отмахиваться от этой критики не следует. Трудности экспериментального изучения «Я»

коренятся не только в перечисленных Уайли методологических и методических просчетах.

Сознаем мы это или нет, за психологическими исследованиями «Я» всегда стоит **философская проблема** природы человека, соотношения «вещного» и «личностного», «социального» и «индивидуального», «данного» и «творимого». Одностороннее, метафизическое мышление не в состоянии охватить бимодальность «Я», его одновременную принадлежность к этим двум мирам и поэтому превращает «вещное» и «личностное» в абсолютные противоположности. Отсюда два полярных стиля мышления. «Вещно-социологическое» и «вещно-биологическое» мышление пытаются редуцировать личность и ее самосознание к совокупности социальных ролей или индивидуальных свойств, тогда как «личностно-религиозное» и «личностно-романтическое» мышление гипостазирует духовность и трансцендирование (выход за установленные пределы), игнорируя реальные способы их объективизации в повседневной жизнедеятельности.

Экспериментальная психология, естественно, сильнее тяготеет к первому полюсу, пытаясь объективно зафиксировать и измерить самое глубокое, потаенное ядро личности — ее живую душу. Но осуществить это **только аналитическим путем** невозможно. Фиксируя личность как объект, наука тем самым невольно превращает ее в некоторое наличное бытие, оставляя за скобками то субъективно-творческое начало, которое философия, этика и обыденное сознание считают самым важным и ценным в человеке. Рассмотрение самосознания как суммы когнитивных процессов дает массу интересных деталей, от которых, увы, трудно вернуться к первоначальной цельности, подразумеваемой понятием «Я». Попытка локализовать «Я» в органическом теле индивида практически элиминирует его духовность и интерсубъективность, а редукция его содержания к механической совокупности социальных ролей и условий плохо совместима с признанием индивидуальности, несводимости, непредсказуемости.

Беда вовсе не в том, что психологи **не понимают имманентной интерсубъективности, диалогичности и ценности «Я»**, а в том, что эти понятия не поддаются жесткой операционализации и не укладываются в привычную логику экспериментальной науки, построенной по образцу естествознания и, следовательно, ориентированной на изучение не людей, а вещей и безличных процессов. Можно ли преодолеть эту ограниченность иначе, чем на уровне философского синтеза?

Познавательные установки и средства современной психологии значительно богаче, чем были в недавнем прошлом. Кроме тестов и лабораторных экспериментов, она имеет возможность пользоваться методом включенного наблюдения, который хорошо отработан этнографами и данными психиатрической клиники, которые дают для понимания тонких процессов самосознания, пожалуй, больше, чем вербальные тесты и искусственные эксперименты [28].

В силу междисциплинарности проблемы «Я» важную помощь психологам оказывают смежные гуманитарные науки, в частности **этнокультурология**, прослеживающая зависимость индивидуальных самосознаний от общей модели человека, принятой в той или иной культуре [7, 19, 58], и выявляющая их ценностно-нормативные аспекты. Аналогичную роль играет **историческая психология** [24].

Очень ценным источником новых психологических гипотез является сегодня **литературоведение**. Художественно-образное познание человека значительно старше научно-теоретического. Философская психология XVIII — начала XIX в. начинала, в сущности, с тех же вопросов, что и художественная литература. Однако в дальнейшем их пути разошлись настолько, что многие великие художники полностью отрицали познавательную ценность научной психологии. По словам М. М. Бахтина, До-

«стоецкий видел в психологии «унижающее человека **овеществление** его души, сбрасывающее со счета ее свободу, незавершность и ту особую неопределенность — нерешенность, которая является главным предметом изображения у самого Достоевского: ведь он всегда изображает человека на пороге последнего решения, в момент **кризиса** и незавершенного — и непредопределимого — поворота его души» [5]. Психологи-натуралисты в свою очередь видели в искусстве лишь сырой материал.

Сегодня отношение меняется (см. Кон [18]). Более зрелая психология уже не боится черпать у искусства, через посредство литературоведения и эстетики, не только проблемы, но и методы познания. Актерское творчество стало одной из моделей, на которой социальная психология «проигрывает» постулированный, но не раскрытий Дж. Мидом (Mead) механизм принятия роли другого. Диалогическая сущность «Я», которое не объективируется, а только раскрывается в обращении к «Ты», претворяется в концептуальное различие «сообщения» и «автокоммуникации», и это существенно расширяет возможности психологического (и культурологического) исследования диалектики самосознания и общения. Целый ряд категорий, которые еще недавно считались идеалистическими (понимание, эмпатия), сегодня прочно вошли в арсенал научной психологии. Даже такое, казалось бы, «мистическое явление», как потребность в трансцендировании, нашло научный эквивалент в понятии «надситуативной активности», когда индивид заведомо выходит за пределы объективно «требуемого» от него ситуацией, как это происходит в актах творчества, условиях бескорыстного риска и при альтруистических поступках [31].

Все это отнюдь не устраниет различий между психологией и искусством. «Личностные конструкты» Д. Келли (Kelley) и «смысловые образования», с помощью которых ученики и последователи А. Н. Леонтьева [4] пытаются реконструировать жизненный мир личности, не являются непосредственными данностями; это понятия, конструкты, предполагающие систему индикаторов, способы верификации гипотез и т. д. Однако расширение проблемного и методического репертуара психологии освобождает ее от натуралистической ограниченности и самоуверенности.

Разумеется, наука не может и не ставит перед собой задачу охватить внутренний мир конкретного человека в его целостности. Как справедливо писал Бахтин, «владеть внутренним человеком, увидеть и понять его нельзя, делая его объектом безучастного нейтрального анализа, нельзя овладеть им и путем слияния с ним, вчувствования в него. Нет, к нему можно подойти и его можно раскрыть — точнее, заставить его самого раскрыться — лишь путем общения с ним, диалогически» [5]. Познание же — всегда субъективно-объективное отношение, даже если в качестве объекта выступает человек.

Однако знание того, что перед ним субъект, не может не влиять на собственную позицию психолога. Тем более, что психология, как и другие отрасли человекознания, — не только наука, но и искусство. Лабораторные исследования и направляющие их специальные теории невозможны без определенных, заранее обусловленных, ограничений и допущений. Но в своей практической деятельности, выступая как клиницист, воспитатель или консультант, психолог имеет дело с конкретным, целостным человеком. Профессиональные знания и измерительные процедуры позволяют психологу **объяснить** отдельные свойства личности и поведение этого человека, подведя их под определенные типы, синдромы и т. п. Но итоговое **понимание** жизненного мира этого другого, будь то трудный подросток или пациент, возникает только в живом общении и остается актом индивидуального творчества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Критический анализ понятий «идентичность», «самость», «Эго» и «Я» в современной психологической литературе показывает их имманентную многозначность и зависимость от теоретического контекста, связанного с решением философской проблемы сущности человека и интегративно-субъективного ядра личности.

Дальнейшая разработка категории «Я» в психологии, кроме уточнения собственно концептуального аппарата науки, требует, на наш взгляд, перехода от изучения осознания индивидами своих отдельных свойств и черт к изучению формирования интегративных, целостных моделей «Я», частные аспекты и компоненты которых должны рассматриваться неизолированно, а в системе ценностно-смысовых образований личности, включая ее неосознаваемые мотивы. Необходимо сосредоточить внимание на изучении регулятивных функций самосознания («действующее Я»), проявляющихся не столько в установках и ценностных ориентациях, сколько в особенностях индивидуального стиля жизни и социального поведения. В связи с этим необходимо более глубоко исследовать реальные жизненные конфликты и кризисные состояния, в которых проявляются глубинные свойства личности. Особенno богатый естественный материал для изучения диалектики биологических, социальных и индивидуально-личностных аспектов формирования «Я» дает изучение данных патопсихологии, процессов становления половой идентичности, включая такой уникальный по своим психологическим возможностям клинический опыт, как перемена пола, чем давно уже занимаются психиатры и нейроэндокринологи. Нужно также шире использовать опыт исторической психологии, семиотики и этнокультурологии, конкретно прослеживающих зависимость индивидуальных «Я» от социокультурных канонов человека и личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б. Г. К постановке проблемы развития детского самосознания.— Изв. АПН РСФСР, вып. 18. М., 1948, с. 97—124.
2. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977.
3. Анкудинова Н. Е. Об особенностях оценки и самооценки учащихся I—IV классов учебной деятельности.— Вопр. психологии, 1968, № 3, с. 131—138.
4. Асмолов А. Г., Братусь Б. С., Зейгарник Б. В. и др. О некоторых перспективах исследования смысловых образований личности.— Вопр. психологии, 1979, № 4, с. 35—48.
5. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М., 1979, с. 71, 293.
6. Борищевский М. И. Влияние позиции подростка на саморегуляцию поведения.— Вопр. психологии, 1972, № 5, с. 121—128.
7. Брунер Дж. Психология познания. М., 1977.
8. Беккер Л. М. Психические процессы. Т. 2. Мышление и интеллект. Л., 1976.
9. Выготский Л. С. Педология подростка. М.—Л., 1931.
10. Горбачева В. А. К вопросу о формировании оценки и самооценки у детей.— Изв. АПН РСФСР, вып. 18, 1948, с. 3—26.
11. Дубровский Д. И. Сознание и информация. К анализу проблемы идеального (статья первая).— Философские науки, 1978, № 6, с. 46—59.
12. Дубровский Д. И., Черносвитов Е. В. К анализу структуры субъективной реальности (ценностно-смысловой аспект).— Вопр. философии, 1979, № 3, с. 57—60.
13. Ильинков Э. Что же такое личность? — С чего начинается личность. М., 1979.
14. Каган М. С., Хмелев А. М. Опыт аксиоматического построения теории деятельности.— В кн.: Понятие деятельности в философской науке. Томск, 1978, с. 18—30.
15. Козиев В. Н. Психологический анализ профессионального самосознания учителя. Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. психол. наук. Л., 1980.
16. Кон И. С. Социология личности. М., 1967.
17. Кон И. С. Открытие «Я». М., 1978.
18. Кон И. С. Проблема человеческого «Я» в психологии и литературе.— В кн.: НТР и развитие художественного творчества. Л., 1980, с. 30—37.
19. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М., 1977.
20. Лейбин В. М. Психоаналитическая трактовка структуры личности и неофрейдистская концепция самости.— Вопр. философии, 1977, № 6, с. 149—156.
21. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1976.
22. Липкина А. И., Рыбак Л. А. Критичность и самооценка в учебной деятельности. М., 1968.

23. Липкина А. И. Самооценка школьника. М., 1976.
24. Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.
25. Магун В. С. Оценки и самооценки в структуре индивидуальности.— В кн.: Психодиагностические методы (в комплексном лонгитюдном исследовании студентов) Л., 1976, с. 195—208.
26. Магун В. С. О парадоксальных соотношениях между адекватностью суждений человека о себе и других людях и тестовыми оценками интеллекта.— В сб.: Личность и деятельность. Тез. докл. В Всесоюз. съезда психологов СССР. М., 1977, с. 15—16.
27. Максимова Р. А. О познании школьниками самих себя и своих сверстников.— Уч. зап. ЛГУ. Сер. психол. наук, 1970, вып. 2, № 352, с. 69—80.
28. Мерлин В. С. Проблемы экспериментальной психологии личности.— Проблемы экспериментальной психологии личности. Уч. зап. Пермск. пед. ин-та, 1970, т. 77, вып. 6, с. 8—213.
29. Михайлов Ф. Т. Загадка человеческого «Я». М., 1976.
30. Ольшанский В. Б. Социальные роли и личность.— В кн.: Социальная психология. Краткий очерк./Под ред. Г. П. Предвечного и Ю. А. Шерковина. М., 1975.
31. Петровский А. В. К психологии активности личности.— Вопр. психологии, 1975, № 3, с. 26—38.
32. Пикельникова М. П. Понимание учащимися 12—17 лет своей личности и понимание их другими людьми.— Уч. зап. ЛГУ. Сер. психол. наук, 1970, вып. 2, № 352.
33. Платонов К. К. О системе психологии. М., 1972.
34. Савонко Е. Н. Оценка и самооценка как мотивы поведения школьников разного возраста.— Вопр. психологии, 1969, № 4, с. 107—116.
35. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности./Под ред. В. А. Ядова. Л., 1979, с. 193.
36. Сафин В. Ф. Устойчивость самооценки и механизм ее сохранения.— Вопр. психологии, 1975, № 3, с. 62—72.
37. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М., 1972.
38. Чамата П. Р. К вопросу о генезисе самосознания личности.— В кн.: Проблемы сознания. М., 1968, с. 230—235.
39. Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. М., 1976.
40. Шорохова Е. В. Проблема «Я» и самосознание.— В кн.: Проблемы сознания. М., 1968.
41. Щербатской Ф. И. Философское учение буддизма. Пг., 1919, с. 44.
42. Ядов В. А., Палей И. М., Магун В. С. Социальная психология личности.— В кн.: Социальная психология. История. Теория. Эмпирические исследования./Под. ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. Л., 1979, с. 111.
43. Bem D. J. Self-perception: an alternative interpretation of cognitive dissonance phenomena.— Psychol. Rew., 1967, v. 74, p. 183—200.
44. Block J. (In collaboration with N. Haan). Lives Through Time. Berkeley, 1971.
45. Coopersmith S. The Antecedents of Self-Esteem. San-Francisco, 1967.
46. Diener E. Deindividuation, self-awareness, and disinhibition.— J. of Personal and Soc. Psychol., 1979, v. 37, No. 7, p. 1160—1171.
47. Diener E., Wallbom M. Effects of self-awareness on antinormative behavior.— J. Res. Person., 1976, v. 10, p. 107—111.
48. Duval S., Wicklund R. A. A theory of objective self-awareness. N. Y., 1972.
49. Erikson E. H. Identity and the life-cycle: selected papers.— Psychol. Issues, 1959, v. 1, p. 1—171.
50. Fenigstein A. Self-consciousness, self-attention, and social interaction.— J. Person. Soc. Psychol., 1979, v. 37, No. 1, p. 75—86.
51. Gur R. C., Sackheim H. A. Self-deception: a concept in search of a phenomenon.— J. Person. Soc. Psychol., 1979, v. 37, No. 2, p. 147—169.
52. Hornstein W., Schefold W., Schmeiser G., Slackebrandt J. Lernen im Jugendalter. Stuttgart, 1975.
53. Hull J. C., Levy A. S. The organizational functions of the self: An alternative to the Duval and Wicklund model of self-awareness.— J. Person. Soc. Psychol., 1979, v. 37, No. 5, p. 756—768.
54. John E. E. A model of consciousness.— In: Consciousness and self-regulation. Advances in research. V. 1. Ed. by G. Schwartz and D. Shapiro. N. Y.—L., 1976, p. 1—50.
55. Kaplan H. B. Self-Attitudes and Deviant Behavior. Pacific Palisades, Calif., 1975.
56. Kaplan H. B. Deviant behavior and self-enhancement in adolescence.— J. of Youth and Adolescence, 1978, v. 7, No. 3, p. 253—278.
57. Katz Ph., Zigler E. Self-image disparity: a developmental approach.— J. Person. Soc. Psychol., 1967, v. 5, No. 20, p. 186—195.
58. Kon I. The self-image as an ethnopsychological problem.— Soviet Studies in Ethnography. Moscow, 1978, p. 18—29.
59. Kuiper N. A., Rogers T. B. Encoding of personal information: self-other differences.— J. Person. Soc. Psychol., 1979, v. 37, No. 4, p. 499—514.
60. Loevinger J. Ego Development: Conceptions and Theories. San-Francisco, 1976, p. 5.
61. Meichenbaum D. Toward a cognitive theory of self-control.— In: Consciousness and self-regulation. Advances in research. V. 1. Ed. by G. Schwartz and D. Shapiro. N. Y.—L., 1976, p. 223—260.

62. Pribram K. H. Self-consciousness and intentionality: A model based on an experimental analysis of the brain mechanisms involved in the Jamesian theory of motivation and emotion.— In: Consciousness and self-regulation. Advances in research. V. I. Ed. by G. Schwartz and D. Shapiro. N. Y.— L., 1976, p. 51—100.
63. Redmore C. D., Loewinger J. Egg development in adolescence: longitudinal studies.— J. of Youth and Adolescence, 1979, v. 8, No. 1, p. 1—20.
64. Rosenberg M. Society and Adolescent Self-Image. Princeton, 1965.
65. Rosenberg M. Conceiving the Self. N. Y., 1979.
66. Rosenberg F. R., Rosenberg M. Self-esteem and delinquency.— J. of Youth and Adolescence, 1978, v. 7, No. 3, p. 279—294.
67. Skinner B. F. About Behaviorism. N. Y., 1974, p. 168.
68. Sozialpsychologie./Hrsg. von H. Hiebsch und M. Vorwerg. Berlin, 1980.
69. Webster M., Sobieszek B. Sources of Self-Evaluation. N. Y., 1974.
70. Wells L. E., Marwell G. Self-Esteem. Its Conceptualization and Measurement. London, 1976.
71. Wicklund R. A. Objective self-awareness.— In: Advances in Experimental Social Psychology./Ed. by L. Berkowitz. V. 8, N. Y., 1975.
72. Wylie R. The Self-concept: A critical survey of pertinent research literature. Lincoln, Nebraska, 1961.
73. Wylie R. The Self-concept. Revised edition. V. 1—2. Lincoln, Nebraska, 1974—1979, p. 701.

Поступила в редакцию
28.X.1980

Имедадзе Н. В. «Экспериментально-психологические исследования овладения вторым языком (на материале овладения русским языком грузинами)».

Работа выполнена и защищена в Институте психологии им. Д. Н. Узладзе АН ГССР.

В диссертации решается крупная научная проблема овладения вторым языком на всех основных этапах развития и обучения человека — в дошкольном возрасте, в школе, профессиональной деятельности переводчика. Выявлены и сформулированы основные психологические закономерности процесса овладения вторым языком: показаны общие и специальные закономерности, характеризующие особенности овладения родным и вторым языком; раскрыты психологические механизмы функционирования двух языковых систем; предложена новая классификация основных типов соотношений двух языковых систем в зависимости от уровня развития каждой из них; разработаны достаточно валидные тестовые методики для диагностики уровней развития языковых систем билингва на различных этапах развития.

Принципы экспериментального обучения второму языку включают систему эффективных методических приемов, адекватных на различных этапах школьного и дошкольного обучения, в том числе в условиях работы «продленного дня».

Разработаны и экспериментально проверены игровые методики, включающие систему вербальных и невербальных игр, градуированную по степени наполненности вербальными компонентами: от моторных игр со стереотипными вербальными компонентами до игр, стимулирующих непрогнозируемую речевую продукцию. В такой дидактически обоснованной системе игровые ситуации использованы впервые. На основе сформулированной модели систематизированы ранее разрозненные факты; некоторые из них (переключение) получили новое объяснение. Показано принципиальное значение понятия установки в решении перечисленных проблем.

Данные экспериментального исследования Имедадзе Н. В. используются при разработке школьных программ и учебников.

Рекомендуется МВ и ССО СССР и Минпросу СССР для дальнейшего использования.
Никиторов Г. С. «Психологические основы самоконтроля (в системах человек — машина)».

Работа выполнена и защищена в ЛГУ им. А. А. Жданова.

В диссертации рассмотрена иерархия механизмов самоконтроля на физиологическом, психическом, социальном уровнях. Особо ценным является то, что самоконтроль включен в категорию свойств личности, регулирующих процесс общения и поведения человека.

На большом экспериментальном материале изучена надежность технических процессов по приему и переработке информации. Надежность психических процессов рассматривается в контексте реализации функции самоконтроля, с одной стороны, а с другой — учитывается фактор мотивации. Предметом исследования являются условия труда и индивидуальные особенности человека. Выявленные в лабораторном и обучающем эксперименте закономерности применены к анализу профессиограммы и деятельности пилотов.

Рекомендуется МВ и ССО СССР, Министерству гражданской авиации СССР и другим министерствам для дальнейшего использования.

Носенко Э. Л. «Специфика проявления в речи состояния эмоциональной напряженности».

Работа выполнена в Институте языкоznания АН СССР и защищена в Институте психологии АН СССР. (Продолжение. См. стр. 47).

О ВОЗМОЖНОСТИ МЕТАФОРЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ПСИХОЛОГИИ

Налимов В. В.

Психологи и особенно те из них, кто занимается проблемами языка, мышления и сознания, серьезно обеспокоены трудностями, возникающими при попытке построения математических моделей изучаемых ими процессов. Можно говорить о плодотворном применении математических моделей, скажем, в психофизиологии [5], но психология мышления, так же как и психология бессознательного, остается нематематизированной. Отдельные попытки здесь, конечно, делаются. Можно указать на многочисленные работы В. Н. Чудакова [14] и В. В. Чавчанидзе [12, 13], а также на работу Stuart et al. [23], направленные на построение квантово-механической модели информационно-психологических процессов, но они, как нам представляется, не привлекают внимания психологов в силу их крайней физикалистичности и, следовательно, оторванности от реальных психологических проблем. Если говорить о языкоznании, то здесь хорошо известны работы по математической лингвистике, завершающиеся построением теории контекстно свободных языков [4]. Но в этих построениях язык рассматривается как некая полностью формализуемая система, оторванная от психологических особенностей мышления человека. Недаром в последнем издании БСЭ (т. 15) утверждается даже, что математическая лингвистика не является лингвистической дисциплиной. Может быть, это утверждение и чрезмерно в своей категоричности, но все же оно, на наш взгляд, не лишено некоторого смысла.

В книге А. В. Брушлинского [3] обстоятельно обсуждаются те требования, которые психолог, занимающийся проблемами мышления, может предъявить к математическим моделям. Напомним, что они должны охватить следующие характеристики: недизъюнктивность, т. е. неразделимость познавательных и аффективных аспектов мышления; неаддитивность, т. е. несуммируемость стадий мыслительного процесса; возможность отражения нелогичности поведения, поскольку уверенность в истинности у человека приобретается не только с помощью чисто логических процессов; размытость представлений, связанная с нечеткостью тех классов, к которым может принадлежать тот или иной объект исследования. Со всей серьезностью ставится также проблема разделимости реального мира на классы четко разграничиваемых объектов.

В состоянии ли современная математика удовлетворить всем этим требованиям? Обсуждая этот вопрос, автор упомянутой выше книги обращает внимание на высказывание Н. А. Бернштейна [1] о необходимости создания новых математических разделов внутри биологии, необходимых для решения специфических задач, которые стоят перед наукой о жизни. Подобные высказывания встречаются и в других публикациях, обсуждающих особые требования, предъявляемые к математическим моделям в науке о жизни (см., например, заключительную статью Williams в [22]).